

КЛАССЫ МАСТЕРА

И расставил точки в пространстве

Его имя всегда сопровождают громкие эпитеты. Легендарный Мерс Каннингем — самый изобретательный и самый титулованный хореограф современности. (Среди сорока пяти его наград — Золотая медаль за изобретения в хореографии, Премия Лоренса Оливье за лучший новый балет, Орден Почетного Легиона, Премия Тиффани за выдающийся вклад в искусство танца).

В 1952 году бывший ведущий солист труппы Марты Грэм Мерс Каннингем в тесном сотрудничестве с художником Бобом Раушенбергом и композитором Джоном Кейджем основывает в Нью-Йорке свою труппу. Цель — поиск оригинальных путей в исследовании движения.

Искусство хореографа оказало влияние на развитие современного танца в Европе и Америке, способствовало возникновению новых форм театра (хэппенинг, перформанс, минимальный театр). Merce Cunningham Dance исколесила весь мир. И только

в России не была никогда. До сих пор не изданы на русском языке книги Каннингема — "Перемены. Заметки по хореографии" и "Танцовщик и танец". Творчество одного из титанов американского модерна в нашей стране знакомо лишь понаслышке и по обрывочным видео-записям.

Артистическое агентство "Ардани" решило устранить эту досадную несправедливость, организовав приезд Каннингема в Москву и Санкт-Петербург (проекту также содействовали Российская хореографическая ассоциация, с американской стороны — фонд Arts International, Фонд Взаимопонимания и менеджер Дэвид Иден). В течение недели мастер вместе с солистом своей труппы Робертом Свинстоном провел бесплатные занятия для профессиональных танцоров.

Пресс-конференция Мерса Каннингема и видеопокказ знаменитых работ "Птицы на пляже перед камерой", "Точки в пространстве" и "Меняющиеся шаги" несколько расширило, так и оставшееся заочным, знакомство с его творчеством.

Каждый день ставя перед собой цель узнать что-то новое о движении, он восставал против банальности в танце. Пластическая мысль его композиций игнорирует привычную логику хореографического комбинирования. Свободно повелевая в своих спектаклях временем и пространством, Каннингем руководст-

вуют время, сотрясают пространство, дробят его на множество частичек, ничтожных и величественных одновременно. Хореограф словно иллюстрирует положение дзэн-буддизма, гласящее, что каждый элемент мироздания необходим не больше и не меньше, чем другой. Центром Вселенной, по признанию Каннингема, для него является то место, где в данный момент находится танцовщик.

Музыка (чаще всего Каннингем сотрудничает с Джоном Кейджем) и танец сосуществуют независимо друг от друга. Кажется, что хореограф творит, не вникая в построения композитора. Но сочетание звуков и тишины отзывается в пластике медитациями долгих, протяженных движений, создающих иллюзию неподвижности. Меняется темп. Непредсказуемость траекторий нарушает равновесие. У каждого исполнителя свой пластический голос, свой ритм. Полиритмия создает внутреннее движение композиций Каннингема, их энергетическую напряженность.

Хореографа ведут случайность, непреднамеренность и... тонкий математический расчет. Вариантов движений может быть бесчисленное множество или всего шесть-десять четыре (соответственно числу символов китайского философского учения "Чинг"). Любителям во все привносить конкретный смысл сочинения Каннингема глубоко чужды. Его спектакли, отвергающие повествовательность, будоражат импульсы подсознания. Прихотливая геометрия изменчивых абстрактных картин отрешена от мыслей, эмоций и желаний. Но хореографические парадоксы вписаны в жесткую структуру композиций, впитывающую любые трактовки, привнесимые зрителем.

Для московских и петербургских танцоров мастер-классы Каннингема стали лишь прикосновением к его эстетике, первыми буквами сложного языка. Мастер намеренно задавал простые движения, заставляя проходить их по многу раз. Учащиеся приобщались к замысловатой ритмической структуре, к неведомой для них прежде координационной организации знакомых по классическому экзерсису движений. Конечно, за неделю невозможно научиться танцевать, "как у Каннингема". Зато можно понять, что тело танцора может "мыслить" по-разному, развить пластическую восприимчивость, сломать стереотипные представления как о модерне, так и о классике, и сделать неожиданные открытия в самих себе.

вуется фразой Альберта Эйнштейна о том, что в пространстве нет ни одной фиксированной точки. "Все люди ходят одинаково, но каждый обладает индивидуальной походкой. И танцевальные движения должны быть также неповторимы", — считает хореограф. Каннингем часто пользуется арсеналом хрестоматийного классического экзерсиса, но, умело применяя законы гравитации, по-разному смещает привычный центр тяжести. Освобождает шею, плечи, ломает канонические позиции. Фигуры танцоров "деперсонифицированы" — кажется, что нет ни рук, ни ног, ни корпуса, а только линии, ими образуемые. Движения складываются в самые парадоксальные сочетания. Линии пересекаются и перепутываются между собой, расслаи-

Для московских и петербургских танцоров мастер-классы Каннингема стали лишь прикосновением к его эстетике, первыми буквами сложного языка. Мастер намеренно задавал простые движения, заставляя проходить их по многу раз. Учащиеся приобщались к замысловатой ритмической структуре, к неведомой для них прежде координационной организации знакомых по классическому экзерсису движений. Конечно, за неделю невозможно научиться танцевать, "как у Каннингема". Зато можно понять, что тело танцора может "мыслить" по-разному, развить пластическую восприимчивость, сломать стереотипные представления как о модерне, так и о классике, и сделать неожиданные открытия в самих себе.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА.

Фото В. Луповского.